Са-Ира / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Са-Ира / рассказ СА-ИРА

Я вышел в Барвиле только потому, что прочел в каком-то путеводителе (в каком, уже не помню): прекрасный музей, два Рубенса, один Тенирс, один Рибейра.
Я подумал: «Надо это посмотреть. Пообедаю в «Европейской гостинице», — по утверждению путеводителя, гостиница превосходная, — а на следующий день поеду дальше».
Музей был закрыт, его открывали только по просьбе путешественников. Открыли его и по моему требованию, и я мог полюбоваться несколькими полотнами мазни, которую хранитель музея, как видно фантазер, приписал величайшим мастерам живописи.
Совершенно не зная, что делать дальше, я очутился в полном одиночестве на длинной улице маленького, незнакомого мне городка, стоявшего посреди бесконечных равнин. Я прошел всю эту «главную улицу», осмотрел несколько жалких магазинов, и так как было всего четыре часа, меня охватил один из тех приступов отчаяния, которые могут довести до сумасшествия самых сильных людей.
Что делать? Господи, что делать? Я готов был заплатить пятьсот франков тому, кто подал бы мне мысль о каком-нибудь развлечении. Ничего не придумав, я решил хотя бы выкурить хорошую сигару и стал искать табачную лавку. Я скоро отыскал ее по красному фонарю и вошел. Продавщица предложила мне на выбор несколько коробок; посмотрев на сигары, я увидел, что они отвратительны, и случайно взглянул на лавочницу.
Это была дородная седеющая женщина лет сорока пяти. Ее полная почтенная физиономия показалась мне знакомой. Однако я совершенно не знал этой дамы! Нет, конечно, не знал! Но, может быть, я где-нибудь встречался с нею? Да, возможно! Мне, вероятно, когда-то давно было знакомо это лицо, а потом я потерял его из виду; да и, несомненно, оно изменилось и

непомерно расплылось.
Я пробормотал:
— Простите, сударыня, что я так разглядывают вас, но мне кажется, я когда-то был с вами знаком.
Она ответила, покраснев:
— Странно…. мне тоже это кажется.
Я вскрикнул:
— Ах! Са-Ира!
Она всплеснула руками с комическим отчаянием, в ужасе от этого прозвища, и залепетала:
— О-о, вас могут услышать!
Затем вдруг воскликнула сама:
— Да это ты, Жорж!
И огляделась испуганно, не слышит ли нас кто-нибудь. Но мы были одни, совершенно одни.
Са-Ира́! И как только мог я узнать Са-Ира; бедную Са-Ира, худенькую Са-Ира, печальную Са-Ира в этой спокойной и раздобревшей продавщице казенного магазина?
Са-Ира! Сколько воспоминаний внезапно пробудилось во мне: Буживаль, Лягушатня, Шату, ресторан Фурнез, целые дни в ялике, на воде, десять лет моей жизни, прошедших в этом уголке, на этих очаровательных берегах Сены.
Мы составляли тогда банду человек в двенадцать, жили в доме Галупуа, в Шату, и вели довольно забавное существование — всегда полуголые и полупьяные. Нравы любителей гребного спорта с тех пор очень изменились. Теперь эти господа носят монокли.
У нашей банды было около двадцати подруг, постоянных или случайных. В иные воскресные дни у нас их бывало четыре, в другие — все двадцать. Некоторые из них, если можно так выразиться, проживали при нас неотлучно, другие же приходили, когда не подвертывалось ничего интересней. Пять или шесть из них жили на общий счет — на счет мужчин, не имевших постоянных любовниц; среди них была и Са-Ира.
Это была жалкая, худая девушка, к тому же хромая, что делало ее похожей на кузнечика. Она была застенчива, неуклюжа и неловка во всех своих поступках. Она боязливо цеплялась за того из нас, кто был всех незначительнее, всех незаметнее,

всех беднее, и тот жил с нею иногда день, иногда месяц — смотря по средствам. Как она очутилась в нашей компании, никто не знал. Попалась ли она нам на какой-нибудь вечерней попойке или на балу гребцов-любителей, когда мы устраивали нечто вроде облав на женщин? Или мы просто пригласили ее к завтраку, видя, что она одиноко сидит в углу за маленьким столиком? Никто из нас не мог бы это сказать, но она была членом нашей банды.

Мы окрестили ее именем Са-Ира, потому что она постоянно жаловалась на свою судьбу, на свои неудачи, на свои огорчения. Каждое воскресенье ее спрашивали:

— Ну, как дела, Са-Ира?

И она всегда отвечала одно и то же:

— Неважно, но надо надеяться, когда-нибудь все пойдет на лад.

Каким образом это жалкое, угловатое и нескладное существо начало заниматься ремеслом, требующим наибольшего изящества, ловкости, хитрости и красоты? Это оставалось тайной. Впрочем, Париж полон жриц любви настолько некрасивых, что они не прельстят и жандарма.

Что же делала она в течение остальных шести дней недели? Несколько раз она говорила нам, что работает. Но чем она занимается, этого мы не знали, ее повседневная жизнь нас не интересовала.

Затем я почти потерял ее из виду. Наш кружок понемногу распался, уступив место новому поколению, которому осталась в наследство в Са-Ира. Я слышал об этом, так как продолжал изредка завтракать в ресторане Фурнеза.

Наши преемники, не зная, почему мы так ее окрестили, решили, что это — восточное имя, и стали называть ее Заирой; потом и они оставили свои лодки вместе с несколькими подругами следующему поколению (поколение любителей гребного спорта живет на воде три года, а затем покидает Сену и вступает в магистратуру, в сословие врачей или в политическую жизнь).

Тогда Заира стала Зарой, а затем, еще позже, Зара изменилась в Сару. И ее стали считать дочерью Палестины.

Последние, те, которые носили монокль, уже называли ее просто «Еврейкой».

Затем она исчезла.

И вот я вновь встретил ее в Барвиле за прилавком табачного магазина.
Я спросил:
— Ну, теперь дела лучше? Она ответила:
— Немного лучше.
Меня охватило любопытство, мне захотелось узнать жизнь этой женщины. В прежние времена я бы и не подумал расспрашивать ее, но теперь я был заинтересован, полон любопытства и настоящего интереса. Я спросил ее:
— Как же ты сумела добиться удачи?
— Не знаю. Она пришла оттуда, откуда я ее меньше всего ожидала.
— Так она выпала на твою долю в Шату?
— О, нет!
— А где же?
— В Париже, в меблированных комнатах, где я жила.
— Да? Ты, кажется, работала в Париже?
— Да, у мадам Равле.
— Кто это мадам Равле?
— Как, ты не знаешь мадам Равле?
— Да нет же.
— Это модистка. Известная модистка на улице Риволи.
И она стала вспоминать всякие подробности своего прежнего существования, раскрывая множество тайн парижской жизни, закулисный быт модного магазина, нравы его продавщиц, их приключения, мечты, целую историю сердечной жизни работницы — этого ястреба тротуаров, который охотится на улице и утром, идя на работу, и в полдень, слоняясь с непокрытой головой во время обеденного перерыва, и вечером, возвращаясь домой.
Радуясь возможности поболтать о старине, она говорила:
— Если бы ты знал, какие мы были бестии… какие штуки откалывали! Каждый день рассказывали друг другу о новых проделках. До чего же можно издеваться над мужчинами! Ты и понятия не имеешь.
Сама я смошенничала в первый раз из-за дождевого зонта. У меня был старый-престарый зонтик, из альпага, такой, что стыдно было смотреть. Однажды в дождливый день, когда я вошла в

мастерскую и начала его закрывать, большая Луиза и говорит мне: «Как ты можешь ходить с таким зонтиком?»
«Другого нет, а с финансами у меня сейчас плохо».
С финансами у меня было плохо!
Она отвечает мне: «Сходи за новым в церковь Мадлен».
Я удивилась. А она говорит: «Мы все их берем там, их там сколько хочешь».
И она объяснила мне, как это делается. Оказалось, очень просто.
Я отправилась вместе с Ирмой в Мадлен. Находим причетника и объясняем ему, что забыли зонтик на прошлой неделе. Тогда он спрашивает нас, какая у него ручка, и я описываю ручку с агатовым шариком. Он вводит нас в комнату, где стоит штук пятьдесят потерянных зонтиков, мы перебираем их все, но моего не находим. Зато я присматриваю очень красивый, с резной ручкой из слоновой кости. Луиза отправляется за ним несколько дней спустя. Она описывает его, не видя, и ей отдают зонтик без малейшего колебания.
Для таких проделок мы одевались очень шикарно…
Она смеялась, открывая и закрывая большой табачный ящик с крышкой на шарнирах.
Она продолжала:
— Да, разные бывали проделки, и еще какие смешные! В мастерской нас работало пятеро: четыре так себе, а одна очень красивая — Ирма, красавица Ирма. Она отлично умела держать себя, и у нее был любовник из Государственного совета. Это не мешало ей здорово надувать его. Вот как-то зимой она и говорит нам: «Знаете, мы с вами сейчас разыграем замечательную штуку».
И она рассказала нам свой замысел.
Ирма, знаешь ли, была так сложена, что у мужчина голова шла кругом: какая талия, а бедра, — у всех прямо слюнки текли! Вот она и придумала, как нам заработать по сто франков на кольца, и подстроила такую штуку.
Ты знаешь, что я тогда была небогата, да и другие были немногим богаче меня; дела шли плохо, мы зарабатывали в магазине сто франков в месяц, и ничего больше. Нужно было изворачиваться. Конечно, у каждой из нас было два — три

постоянных любовника, и они кое-что давали, но немного. В полдень на прогулке удавалось иногда залучить какого-нибудь господина, который возвращался и на следующий день; его держали недели две, а потом отпускали. Но от таких мужчин никогда не бывает большого дохода. А Шату — это было только для удовольствия. Ах, если бы ты знал, на какие уловки мы пускались; право, можно лопнуть от хохота. Так вот, когда Ирма предложила нам заработать по сто франков, мы прямо загорелись. То, что я тебе собираюсь рассказать, очень скверно, но ничего, ты ведь знаешь жизнь, да и потом, кто провел четыре года в Шату…

Так вот, Ирма сказала: «Мы подцепим на балу в Опере самых лучших парижских кавалеров, самых изысканных и самых богатых. Я их знаю».

Мы сперва не поверили, потому что такие кавалеры не для модисток, — для Ирмы еще туда-сюда, но не для нас. Ах, до чего же она была шикарна, эта Ирма! Знаешь, мы говорили между собою в мастерской, что, если бы император знал нашу Ирму, он обязательно женился бы на ней.

На этот раз она велела нам одеться получше и сказала, «На был вы не пойдете, а каждая из вас будет ждать в фиакре, на улице по соседству. Придет господин и сядет к вам в карету. Лишь только он усядется, поцелуйте его как можно нежнее, а затем вскрикните от удивления, будто вы ошиблись и ждали другого. Голубок наш увидит, что забрался на чужое место, это его разожжет, и он захочет занять это место силой: вы начнете сопротивляться, сделаете вид, будто гоните его… а потом… поедете с ним ужинать… И тогда ему придется основательно раскошелиться, чтобы утешить вас».

Ты еще ничего не понимаешь, не правда ли? Ну, так вот что она сделала, разбойница.

Она рассадила всех нас четверых в четыре кареты, вполне приличные кареты, и разместила на улицах рядом с Оперой. Затем пошла на бал — совершенно одна. Она знала по именам самых известных мужчин в Париже, потому что хозяйка была поставщицей их жен; так вот она выбрала сперва одного кавалера и стала интриговать его. Чего только она ему не наговорила, — ведь она

к тому же была и неглупа. Увидев, что достаточна вскружила ему голову, она сняла маску, и он сразу попался в силки. Ему, конечно, захотелось увести, ее с собой сию же минуту, но она назначила свидание через полчаса в карете, которая будет, стоять против дома № 20 по улице Тетбу. А в этой карете сидела я! Я была хорошо закутана и лицо закрыла вуалью. И вот вдруг какой-то господин просовывает голову в окошко и спрашивает: «Это вы?». Я отвечаю чуть слышно: «Да, я, входите скорее».
Он входит, я бросаюсь к нему на шею и целую, да так целую, что у него дух захватывает. Тогда я говорю: «О, как я счастлива, как я счастлива!»
И вдруг вскрикиваю: «Да это не ты! О боже мой, о боже мой!»
И начинаю плакать.
Представляешь себе, в каком замешательстве он оказался! Сперва он пытался утешить меня, просил извинения, уверял, что тоже ошибся!
А я все плакала, но уже не так сильно, а главное, Тяжело вздыхала. Тогда он начал говорить мне нежные слова. Это был человек благовоспитанный, и, кроме того, его уже забавляло, что я понемногу перестаю плакать.
Короче говоря, дело кончилось тем, что он предложил мне поужинать. Я отказалась, я хотела выскочить из кареты, но он удержал меня за талию, а потом стал целовать меня, как я целовала его, когда он вошел.
А потом… А потом… мы… поужинали… понимаешь… и он дал мне… Ну, угадай, сколько… Он дал мне пятьсот франков!.. Бывают же такие щедрые люди!
Словом, шутка всем нам удалась. Только Луиза получила меньше других, всего двести франков. Но, право, Луиза уж очень была худа!

Женщина продолжала рассказывать, спеша выложить все воспоминания, какие накопились за долгие годы в замкнувшемся сердце почтенной продавщицы казенного киоска. Все это убогое и нелепое прошлое волновало ей душу. Она жалела о легкомысленной и безалаберной жизни на парижских панелях — о жизни, где были лишения и продажные ласки, смех и нищета, хитрые уловки, а

порою и настоящая любовь.
Я спросил ее:
— Но как ты добыла себе табачную лавку?
Она улыбнулась.
— О, это целая история! Представь себе, что в меблированных комнатах, где я жила, напротив меня поселился студент-юрист, — знаешь, из тех студентов, которые ничего не делают. Он с утра до вечера не выходил из кафе и так любил бильярд, что другого такого любители мне никогда не приходилось видеть.
Когда я бывала одна, мы с ним иногда проводили вечер вместе. От него у меня и Роже.
Кто это Роже?
— Мой сын.
— А!
— Он выдавал мне небольшую пенсию на воспитание мальчишки, и я считала, что с него ничего больше не получишь, потому что такой лодырь мне никогда еще не попадался. На десятом году он все еще сдавал первый экзамен. Когда его родные увидели, что из него не будет толку, они вызвали его обратно к себе в провинцию; но мы продолжали переписываться из-за ребенка. И вот, представь себе, два года тому назад я узнаю, что его избрали депутатом у него на родине. А затем он начал произносить речи в Палате. Верно говорят: в царстве слепых и кривой… Ну, словом, я к нему пошла, и он тотчас выхлопотал мне табачную лавку, как дочери политического ссыльного… Мой отец действительно был сослан, но я никогда не думала, что это может принести мне пользу.
В конце концов… Но вот и Роже.

Вошел высокий молодой человек, благовоспитанный, солидный, несколько напыщенный.
Он поцеловал мать в лоб, и она сказала мне:
— Вот, сударь, мой сын, начальник отдела в мэрии… Знаете, будущий супрефект.
Я вежливо раскланялся с этим чиновником и пошел к себе в гостиницу, с серьезным видом пожав протянутую руку Са-Ира.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 10 ноября 1885 года.

Тенирс — было два известных фламандских живописца, носивших эту фамилию: Старший (1582 — 1649) и Младший, его сын (1610 — 1690).

Рибейра (1588 — 1656) — испанский художник.

Мы окрестили ее именем Са-Ира и т. д. — «ça ira» буквально означает «это пойдет». В оригинале непереводимая игра слов: ça va-t-il — ça ira mieux. Ça ira — также припев знаменитой песни французской революции XVIII века.

В царстве слепых и кривой… — намек на французскую пословицу: «В царстве слепых и кривой — король».

Как дочери политического ссыльного. — Видимо, отец рассказчицы был республиканец и подвергался политическим репрессиям со стороны Второй империи. В пору Третьей республики такие республиканцы пользовались некоторыми привилегиями, в частности правом получения табачной лавки (табачная торговля являлась но Франции государственной монополией).

Перевод Н.КОСТОВСКОЙ. Hekaýalar